

Ю.Н. Смирнов*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ 1773-1775 гг.

В статье предлагаются современные подходы к решению следующих вопросов: интерпретация и дефиниция событий 1773-1775 гг. в России, соотношение социальных факторов восстания с проявлениями региональных и этнических интересов, перестройка органов власти и роль местного самоуправления в занятых повстанцами районах, характер политических идеалов участников движения, действия командования правительственных войск по умиротворению мятежных территорий.

Развитие исторической науки, как и ход истории страны, не всегда идет по эволюционному пути. Наряду с изучением явлений или процессов, оставивших в прошлом долгий след и устойчивые традиции, особый интерес для исследователя всегда представляют также ситуации чрезвычайные, драматические, а подчас трагические. Чаще всего такие острые моменты связаны с социальными и политическими конфликтами. Подобно яркой вспышке молнии, они озаряют статичный ландшафт окрестных относительно спокойных десятилетий, делая более отчетливой как ретроспективу, так и перспективу «длинной истории». Сама интерпретация этих озарений, оставшихся в прошлом, меняется после новых исторических бурь. Казалось бы, подробно изученные события восстания под руководством Е.И. Пугачева, по которым в разное время вышло немало специальных и обобщающих трудов, в нынешней политической и историографической ситуации выглядят недостаточно освещенными в тех проблемных точках, которые представляются сейчас наиболее интересными и значимыми.

В одной статье невозможно детально осветить обширную литературу по восстанию 1773-1775 гг., а тем более вступить в полемику в каждом спорном случае. Однако мы далеки от того, чтобы игнорировать вклад не только дореволюционных или советских исследователей, но и наших современников, а потому не согласны с теми недавними публикациями, в которых упоминаются работы отечественных [3] и зарубежных [1] ученых по данной теме, вышедшие только до 1980-х гг. Положительный пример дают представительные конференции и объемные издания самых последних лет, непосредственно связанные с пугачевской

---

* © Смирнов Ю.Н., 2007

Смирнов Юрий Николаевич – кафедра документоведения Самарского государственного университета.

тематикой [4] и 230-летием восстания [12]. Интерес к этой теме проявлялся и на научных форумах по всеобщей истории [6].

Наблюдения автора данной статьи за историографической ситуацией сложились в результате многолетних занятий историей восстания 1773-1775 гг., сопоставления имеющихся оценок с реальными показаниями источников, в т.ч. из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга. Полученные выводы, полагаем, будут полезными для дальнейших дискуссий, обсуждений, разработок.

Особого внимания требует сама интерпретация и дефиниция событий 1773-1775 гг. в России. Тесно связана с ней и проблема соотношения социальных факторов данных событий с проявлениями региональных или этнических интересов. Мало изучены перестройка органов власти и роль местного самоуправления в районах восстания. Не прояснены до конца политические идеалы движения, да и само их наличие остается под сомнением. За многие десятилетия исключительного внимания к повстанческому лагерю оказалась фактически прерванной, а потому нуждается в восстановлении традиция изучения также и лагеря правительственных сил.

Успехи в хозяйственном и культурном развитии России, достигнутые в XVIII в., не были свидетельством житейского благополучия и социальной гармонии. Даже тогда, когда проявлялось единство интересов властных органов и различных групп населения в вопросах жизненно важных (внешняя безопасность, обеспечение правопорядка, экономический рост, поддержка переселенческому движению и т.д.), это не снимало между ними многочисленных и болезненных конфликтов. Там и тогда, где и когда внешняя или другие угрозы отступали на второй план, а земельные или прочие хозяйственные нужды, финансовые или социальные интересы разных групп и сословий начинали вступать в противоречие друг с другом, эти конфликты обострялись. При этом они не проходили по какой-либо абсолютно определенной водораздельной линии.

Существовали разногласия в органах власти как по принципиальным вопросам, так и вызванные личным корыстолюбием и амбициями чиновников. Земельные и имущественные споры вспыхивали между лицами и группами, принадлежавшими к разным общественным слоям, и внутри одного сословия. Недовольство действующим законодательством, действиями исполнительных органов, несовершенством суда проявляли различные слои населения.

Власть пыталась ограничить корпоративный и индивидуальный эгоизм, подчиняя его государственным интересам в своем понимании. Привилегированное меньшинство дворян-землевладельцев, благодаря доступу к управлению, навязывало другим социальным группам более выгодный себе строй жизни. И все же обратной стороной разногласий и противоречий были компромиссы, уступки, вынужденное подчинение необходимости или силе, а также добровольное принятие существующего положения дел в силу традиций и религиозных установок. Жизнь государства и общества по большей мере протекала в условиях оп-

ределенного равновесия, но потеря точки этого равновесия временами становилась реальной угрозой.

Окраина Российской империи обладала меньшей устойчивостью перед силами, могущими нарушить политический и общественный баланс. С одной стороны, из-за менее строгого контроля верховной власти за проявлением корыстных личных и групповых амбиций здесь был более заметен произвол администрации и привилегированных землевладельцев, что сильнее вызывало недовольство. С другой стороны, пришедшее в большинстве своем по своей воле и в поисках лучшей доли население болезненней, чем жители центральных губерний, реагировало не только на крайности абсолютизма и крепостничества, но и на сами принципы государственного и общественного устройства. Социальный состав и настроения жителей пограничья, связанные с особенностями их происхождения и предшествующими судьбами, были чреваты серьезными конфликтами с властями в случае перехода последних к мерам по ужесточению крепостнических порядков, податного гнета или административного произвола.

Кризисные явления в государстве и обществе, приведшие к восстанию, нарастали постепенно. Их опасные симптомы начали осознаваться общественными деятелями, писателями и учеными, дальновидными представителями центральной власти и местной администрации уже в начале 1760-х годов. Об этом свидетельствовали присланные в ВЭО конкурсные работы, появившиеся в сатирических журналах статьи, прозвучавшие в Уложенной комиссии указы и речи депутатов, наконец, проявления «просвещенного абсолютизма» в действиях верховной власти. Особо тревожно звучали сообщения, приходившие с мест, где зрели очаги мятежа, например из Поволжья, в донесениях от комиссии подполковника А.И. Свечина или из Оренбурга от губернатора Д.В. Волкова. Некоторые предупреждения выглядят написанными чуть ли не во время Пугачевщины. На самом деле до восстания оставалось почти 10 лет, которые так и не были использованы не только для решения социальных проблем, но даже для приведения в должный порядок вооруженных сил на юго-восточных рубежах.

В результате обострения внутренних конфликтов на исходе третьей четверти XVIII века сначала Приуралье и Заволжье, а вслед за ними ряд других территорий, лежавших к западу, северу и востоку, были ввергнуты в события, именуемые в литературе по-разному: Пугачевщиной, восстанием под предводительством Е.И. Пугачева, Крестьянской войной 1773-1775 гг. и т.д. Последнее определение представляется нам не очень удачным, если его применять ко всей совокупности событий указанного времени. Эта война была совместным выступлением всех недовольных крепостничеством, дворянскими привилегиями, помещичьими и государственными повинностями, засильем чиновников. Под знамена Пугачева вставали люди разных национальностей, выходцы не только из крестьян, но и из казаков и прочих военно-служилых сословий, горожан, заводских работников, дворовых слуг и др. События такого социального и территориального размаха стоит интерпретировать как войну гражданскую. Если термин

«гражданская война» покажется не совсем приложимым к России XVIII века, можно использовать более традиционные определения: «народное движение», «восстание». Под последним в данном случае надо подразумевать, конечно, не одно, а множество разнородных выступлений, слитых воедино.

Было бы неправильно отрицать использование понятия «крестьянской войны» вовсе. Социальная база народного движения была широка, но крупные успехи повстанцев и длительное сопротивление их регулярным правительственным войскам объясняются тем, что главной силой восстания явилось многонациональное крестьянство. Осенью-зимой 1773 г. в Заволжье, ближайшем к Яицкому очагу восстания районе, где преобладало крестьянское население, впервые четко проявилась тенденция перерастания казацкого мятежа именно в «крестьянскую войну». Ее следует рассматривать как составную часть гражданской войны 1773-1775 гг. в России. Апофеозом «крестьянской войны» как одной из самых характерных форм проявления народного движения стало выступление крепостного населения волжского Правобережья летом 1774 года и пугачевские манифесты 28 и 31 июля, объявленные в Саранске и Пензе.

К числу вопросов, не получивших достаточно полного освещения, относится организация управления на территориях, находившихся под контролем повстанцев, на которых была сделана попытка создать соответствующее народным идеалам государственное устройство во главе с «добрым» царем. В спорах историков о сути политических требований восставших и степени их осознанности важнейшим аргументами должны стать не только воззвания самого Пугачева или его сподвижников, и не только оценки, данные им представителями противоборствующей стороны. Надо пристальней взглянуть в сами формы организации и деятельности пусть недолго, но все же существовавших новых властей в освобожденных от царской администрации районах.

В советской историографии утверждалось, что «одной из важнейших задач исследования, посвященного Крестьянской войне под предводительством Пугачева, является анализ форм политической жизни, складывавшихся на территории, освобожденной от феодалов и правительственных войск, тех начатков государственности, которое несло с собой восставшее крестьянство» [5. С.15]. Однако поиск решения этой задачи шел вне какого-либо внимания к органам местного самоуправления. В монографии, из которой взята цитата, нет даже упоминаний о деятельности городского и сельского самоуправления на территориях, по несколько месяцев находившихся под контролем повстанцев. В этом видно не всегда даже осознанное исследователями влияние «историко-партийной науки» с ее поиском «руководящей и направляющей» силы, «организующего» центра, вождей, подобных революционным лидерам нового времени.

События в ряде городов, например Самаре, явились, несомненно, восстанием, но восстанием мирным и до его подавления бескровным. Этот характер переворота оказался в значительной мере определен переходом на сторону восставших городского самоуправления, превращавшегося в органы новой власти. Должно-

стные лица, казаки и военнослужащие гарнизона, включая некоторых командиров и офицеров, оставались при исполнении своих обязанностей.

Схожая ситуация в отношениях новой власти и местных общин имела место и в деревне. Сочетание мирской самоорганизации и «царистских» лозунгов не свержения, но «восстановления» законной верховной власти облегчали переход на сторону Пугачева, сотрудничество с его военными силами.

В абсолютистском государстве общинное самоуправление у крестьян всех сословных разрядов не могло последовательно реализовать заложенные в нем демократические начала. Однако на территории, охваченной восстанием, деревенские миры выходили из-под контроля государственного аппарата и помещиков, освобождались от навязываемых им фискально-полицейских функций. Из органов самоуправления устранялись пособники дворян и царских чиновников, упразднялась вотчинная администрация.

Все сказанное выше можно отнести и к органам самоуправления в поселениях казаков, отставных солдат и других военно-служилых сословий. Атаманы ряда крепостей не просто перешли на сторону Пугачева, но стали деятельными руководителями повстанческого движения и местных органов новой власти. В противном случае происходила силовая смена прежних командиров.

В совместных действиях проходила консолидация крестьянства на основе общих интересов составлявших его групп. Ломались искусственные сословные перегородки между отдельными категориями крестьян, а также между крестьянами и близким неподатным населением (отставными солдатами, казачеством и т.д.) Это было заметно в объединении военных усилий повстанцев и не обошло стороной организацию местной власти. Гораздо труднее, медленнее преодолевались локальность выступлений и территориальная разобщенность, органически присущие крестьянству, что негативно сказывалось на ходе восстания.

Со временем все более четко проявлялось разделение повстанческих военных и гражданских властей в восставшем крае. В условиях боевых действий первенство, конечно, принадлежало военному руководству, наиболее авторитетным командирам. Последних пугачевская ставка утверждала в полковничьих или атаманских чинах и через них же доводила свои распоряжения до местных органов самоуправления. Главными заботами военных властей, по поводу которых они вступали в сношения с крестьянскими мирами, были пополнение повстанческих отрядов людьми, снабжение их продовольствием и фуражом. Именно эти функции гражданского управления в основном и отражены в документах, о других же нет практически никаких сведений, что вовсе не говорит об их отсутствию вовсе. Повстанческие власти просто не вмешивались во внутренние дела общин: земельные, судебные, семейно-бытовые и прочие, которые потому и не находили отражения в письменных источниках.

В связи с вышесказанным следует подвергнуть сомнению положение о том, что «ни одна сторона сложной и многогранной жизни на территории, освобожденной от помещиков, горнозаводчиков и царских чиновников, не оставалась

вне компетенции Государственной Военной коллегии» Пугачева [5. С.16]. При таком подходе преувеличена роль пугачевской ставки особенно в управлении районами, лежащими вне зоны действий главной армии, необоснованно расширены функции повстанческого военного командования в целом и недооценена роль местного самоуправления. Военные командиры чаще зависели от местных миров более, чем от пугачевской ставки, не имевшей возможности оказать их отрядам ни военной, ни иной помощи, кроме моральной. Армия Пугачева сама постоянно нуждалась в людском пополнении, фураже и провианте.

Неверно также думать, что набор в повстанческие отряды протекал исключительно стихийно. Военное руководство пыталось придать ему организованность. Предпочтение отдавалось добровольцам («охотникам»), убежденным сторонникам Пугачева («ревнителям к службе»), но военная необходимость заставляла расширять права командиров, которым разрешалось требовать от жителей, сколько «потребно... людей вооруженных». Увеличение военных сил повстанцев стало важной обязанностью крестьянских миров, поскольку именно к ним обращались пугачевские командиры с требованиями о пополнении, если «охотников» не доставало. Служба в повстанческих отрядах в отличие от ненавистной рекрутчины воспринималась большинством населения необходимой, хотя и тяжелой мирской повинностью. Для ее обозначения, наряду со словом «набор», восставшие использовали термины «выбор» и «наряд», свойственные другим общинным обязанностям. Срыв набора мог повлечь за собой определенные наказания со стороны повстанческих командиров. В свою очередь, практика принудительного набора неизбежно порождала возможность злоупотреблений, взяток и вымогательств, что также нашло отражение в источниках.

Повстанческое «государство» не отказалось от принуждения и не отменило повинностей в свою пользу. Однако основная масса жителей выполняла их добровольно, не считала их тягостными не столько из-за меньшего объема по сравнению с прежними, сколько из-за согласия с намерениями новой власти.

Наряду с особой привлекательностью социальных антипомещичьих лозунгов движения, для значительной массы крестьянства, городского и военно-служилого населения на первый план выдвигались политические симпатии к идеям, смутно выраженным, но тем не менее четко воплощавшимся в ходе восстания, о государстве без привилегированной касты чиновников и дворян, составляющих особое замкнутое правящее сословие. В таком государстве структура ограничивалась фактически лишь двумя элементами: царем с его окружением и морем самоуправляющихся общин. При подобном устройстве снимались многие национальные и религиозные проблемы, поскольку местная власть сама определяла те этнические и вероисповедные традиции, которые ложились в ее основу. Размеры и границы общин, опиравшихся на разные традиции, принадлежность к ним определяли сами жители. Предельная этническая и конфессиональная терпимость в такой трактовке отвечала интересам русских, народов Поволжья и Приуралья, православных, старообрядцев, мусульман, язычников. При

этом надо признать, что социальные и политические требования восставших выглядят весьма аморфными с современной точки зрения.

Особая готовность юго-восточной окраины России к принятию перемен (конечно, в рамках возможного и допустимого уровнем хозяйства, культуры, сознания) во многом была обусловлена слабостью инерции прошлого. Взаимоотношения между основными группами пришлого населения не обременялись грузом давних ссор. Не омрачала этих отношений земельная теснота. При этом окраины не отрывали свою судьбу от судьбы страны, не проявляли ничего похожего на местный сепаратизм. Если «мятеж окраины», о чем пишут современные историки [8], и имел место, то не во имя ее самостоятельного существования, а для того, чтобы навязать внутренним областям империи свой идеал политического устройства, чтобы противостоять насаждению центром на недавно присоединенных землях крепостнических и деспотических основ управления.

В советское время тема деятельности командования правительственных войск по восстановлению порядка в мятежных районах и умиротворению их жителей была отодвинута далеко на задний план. Осталось незамеченным то, что в чрезвычайной обстановке командование правительственных войск наряду с выполнением военных задач приняло на себя важнейшие функции внутреннего управления. Вопреки утверждениям, устоявшимся в отечественной и зарубежной историографии о том, что «царское правительство сразу же встало на путь жесточайшей расправы с восставшими» [13] и что именно регулярная армия «решила судьбу восстания» [7. С.11], власти добивались усмирения и умиротворения не только репрессиями и мерами военного характера.

Реальное понимание грозной сути развернувшихся событий пришло в правящие круги не сразу, а только к исходу ноября 1773 г., когда коронная администрация в районе восстания была частью истреблена, частью бежала с мест службы, частью изолирована. Надо отдать должное тем генералам, кто, подобно А.И. Бибикову, понял особую ситуацию гражданской войны, в которой исход борьбы решается не только на полях сражений. Командованием правительственных войск были предприняты усилия по обеспечению условий для того, чтобы рядовые жители не оказывали поддержку повстанцам, чтобы своими действиями не провоцировать колеблющихся людей окончательно отшатнуться в сторону неприятеля. Жестоко расправляясь в боях и сразу после них с теми, кто поднял оружие, проводя отдельные публичные казни и экзекуции для устрашения, военные власти не переходили в террор определенных границ, оставляли возможность «раскаявшимся» или просто уставшим, отошедшим от восстания людям вернуться к прежнему образу жизни и занятиям. Этот подход проявлялся в отношении как крестьян или горожан, так и армейских чинов [10] или других служилых людей [11]. Прощение вины могло ожидать не только рядовых повстанцев, но и мятежных командиров, если те сложили оружие.

Как показывают источники, предельно жестокая трактовка карательного террора, приписываемая циркуляру П.И. Панина от 25 августа 1774 г. о поголовной

расправе над жителями восставших селений, является явным преувеличением. Уже 30 августа сам Панин пояснил, что наиболее суровые угрозы направлены «на единое токмо устрашение», а не к исполнению [2]. На практике террор представлял не политикой истребления, а мерой психологического воздействия. Гибель людей в ходе боевых действий не усугублялась последующими массовыми репрессиями. Брал верх трезвый расчет на скорейшее восстановление порядка, на более прочное, нежели военное, умиротворение. Это позволяло сбить накал гражданской войны, умерить жажду мести победителей, не доводить до отчаяния побежденных, способствовало постепенной изоляции активных пугачевцев в массе разuverившихся в самозванце людей.

Следует обратить внимание на довольно рискованный шаг Панина, который обратился непосредственно к органам местного самоуправления в районах только что утихнувшего мятежа и наделил их небывалыми полицейскими функциями по защите населения от произвола военных и гражданских вымогателей, «не взирая ни на какой чин и лицо» [9]. Трудно судить о действенности этих мер для обуздания чиновного корыстолюбия. Однако нельзя не признать значимость осуждения пороков власти для прочного умиротворения населения.

Несмотря на человеческие потери и материальные разрушения, восставшие территории не обезлюдили и не утратили накопленный за годы освоения хозяйственный потенциал. Во многом благодаря усилиям военного командования здесь был предотвращен голод и не произошло вспышки эпидемий. Усмирение мятежных районов не означало простого возвращения к прежним административным и правовым нормам. Уроки восстания заставили ускорить проведение реформ по укреплению органов власти, особенно местного управления.

Изучение восстания 1773-1775 гг. не потеряло значимости, несмотря на заметную смену ориентиров в историческом познании. Отказ от понимания актуальности как политической и идеологической заданности не должен вести ни к забвению проблемы, ни к простой перестановке прежних плюсов и минусов в оценках. Целью остаются научные задачи, в т.ч. обогащение историографической традиции ценными источниками, объективными интерпретациями и углубленными подходами, создание нового поколения исследовательской, учебной и популярной литературы по одной из интереснейших страниц истории.

Библиографический список

1. Балаев, С.Г. Крестьянство в гражданской войне 1773-1775 гг. на территории мордовского края: обзор зарубежной историографии / С.Г. Балаев // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. – Саранск, 2004. – С. 95-103.
2. Бумаги графа Петра Ивановича Панина о пугачевском бунте // Сборник РИО. – СПб., 1871. – Т.6. – С. 129.
3. Волков, Л.В. Социальные представления участников восстания Е.И. Пугачева / Л.В. Волков // Вопросы истории. – 2006. – №12. – С. 107-115.

4. Идеи свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. – Уфа, 2004. – 464 с.
5. Крестьянская война в России в 1773-1775 гг. – Л., 1970. – Т. II. – 512 с.
6. Кущёва, М.В. Международная конференция «Конфликты и компромиссы в социокультурном аспекте»/ М.В. Кущёва, О.В. Саприкина, Е.В. Смирнова // Новая и новейшая история. – 2007. – № 1. – С. 250.
7. Лимонов, Ю.А. Предисловие / Ю.А. Лимонов, Тоёкава, Коити // Оренбург и Оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773-1774 гг. – М., 1996.
8. Нольте, Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин / Г.-Г. Нольте // Вопросы истории. – 1994. – № 11. – С. 31-38.
9. Пугачевщина. – М.;Л., 1931. – С.325-326.
10. РГАДА. – Ф.349. – Оп.2. – Д. 7269, 7422.
11. РГАДА. – Ф.1100. – Оп.1. – Д. 11. – Л. 256, 257об.; Д.12. – Л.179 и об.
12. Социальные конфликты в России XVII-XVIII веков: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Саранск, 2005. – 544 с.
13. Тоёкава, Коити. Оренбург и Оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773-1774 гг. / Коити Тоёкава. – М., 1996. – С.164.

Статья принята в печать в окончательном варианте 10.12.2007 г.

Y.N. Smirnov

MODERN APPROACHES TO THE HISTORY OF THE REBELLION 1773-1775

The modern approaches to solving questions as: the interpretation and the definition of the events of 1773-1775 in Russia, the correlation of the social factors of the rebellion with the manifestation of regional and ethnic interests, rebuilding of government bodies and the role of local government in the regions occupied by rebels, the character of the participants' of the rebellion political ideals, the governmental force command's actions on conciliation of mutinous territories are presented in the paper.